ВЕСТНИК

ИМПЕРАТОРСКОГО

РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

под редакцией Секретаря Общества

Е. И. Ламанского.

1856.

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГ
ТИПОГРАФИЯ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1856.

V.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ И СМЕСЬ.

ПИСЬМО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА П. П. СЕМЕНОВА О ПУТЕШЕСТВИИ В КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ СИБИРСКОГО ВЕДОМСТВА В 1856 Г. Вторая моя большая поездка на реку Чу успехом своим превзошла мои ожидания: мне не только удалось перейти Чу, но даже и достигнуть этим путем Иссык-Куля, т.-е. западной его оконечности, на которую еще не ступала нога Европейца и до которой не коснулись никакие научные исследования. Конечно, поездка эта, совершенная с быстротой, вынужденной окружающими меня опасностями и лишениями, может иметь только характер научной рекогносцировки, а не ученого исследования; но и в таком виде она не останется без результатов для землеведения Азии.

Из укрепления Верного (города Алматы) направился я прямо к западу, следуя верст 80 вдоль подошвы хребта Кунги-Алатау, через реки: Алматинку, Аксай, Кескелен, Чемолган, Кара-Кестен и Кестен. От последней поворотил я к югу, поднимаясь вверх ее течения поперек понизившейся здесь ниже пределов вечного снега горной цепи Кунги-Алатау, через горный проход Суок-Тюбе. Пользуясь утренним туманом, спустился я из дикого ущелья, в котором мы скрывались на ночлеге, в Чуйскую долину, верст 20 выше коканского укрепления Токмака, и вышел на р. Чу, в том самом месте, где

она делает крутой поворот, изменяя свое юго-северное направление в восточно-западное. С этого пункта направился я вверх по Чу прямо к югу, вдоль дикого ущелья Буаш, через которое Чу с трудом пробивается перед выходом в широкую долину, где расположены коканские укрепления Токмак и Пишпек. Отвесное падение скал правого берега реки, преграждавших путь мой, заставило меня перейти за Чу глубоким и опасным бродом и следовать вверх ее левым берегом. Это обстоятельство помешало мне выйти на р. Кебин, значительнейший правый приток Чу, или, лучше сказать, северную ветвь всей системы, которая, по моему расчету, должна была привести меня в сердце Кунги-Алатау, откуда я уже мог возвратиться в Верное каким-нибудь высоким горным проходом. Но устье Кебина осталось для меня неприступным за глубокой и стремительной Чу, и я вынужден был идти вверх по этой последней через дикие ее ущелья. Путь этот вывел меня к месту наибольшего сближения реки Чу с Иссык-Кулем, где и разрешился для меня интересный, географический вопрос о гидрографическом их соединении. Река Чу не вытекает из Иссык-Куля, как-то полагали Риттер и европейские географы. Она берет начало в снегах Мустага, т.-е. продолжения Небесного хребта (Т’янь Шаня). Из порфировых предгорий Небесного хребта выходит она на береговую долину Иссык-Куля, в 5 верстах от западного берега озера. Пятиверстный промежуток, разделяющий реку от озера, представляет совершенную плоскость, едва наклоненную на восток к Иссык-Кулю. Но Чу встречает на западной своей стороне несравненно более наклонный скат продольной долины, в которую она и устремляется с силой, позволяющею ей пробиваться поперек южной цепи Кунги-Алатау через ущелье Буаш. От изгиба Чу, в Иссык-Куль течет по слабо наклоненной плоскости узкий и неглубокий проток, имеющий совершенно вид искусственного или ирригационного канала и носящий название Кутемалды. Дикокаменные Киргизы сказывали мне, что этот канал прорыт, по преданию, очень давно, их предками, желавшими отвести р. Чу в озеро, но не достигнувшими своей цели. Никакой другой гидрографической связи между Чу и озером Иссык-Кулем не существует.

На берегах озера очутился я посреди аулов воинственного племени Сара-Багиш, которое еще нынешнею весной было в кровавой распре с нашими верноподданными Киргизами. Впрочем, появление мое посреди Дикокаменной Орды было так вне-

запно, что Кара-Киргизы не могли, если бы и хотели, успеть приготовить враждебной встречи, и приняли нас очень хорошо, тем более, что грабительские сборы закета (дани, или подати) очень охладили Дикокаменную Орду к Коканцам. На Кутемалдинском прибрежье Иссык-Куля поверил я свои наблюдения над высотой озера и получил для обеих оконечностей его тождественные результаты. Точной цифры, за неимением гипсометрических таблиц, сообщить я не могу; но высота поверхности Иссык-Куля превосходит 3,600 фут., между-тем, как укрепление Верное на северном склоне Кунги-Алатау имеет не более 1,900 фут. абсол. высоты. Иссык-Куль есть, следовательно, горное озеро, в полном смысле этого слова, занимающее высокое плоскогорие между Кунги-Алатау и Небесным хребтом и замкнутое со всех сторон горами.

С Иссык-Куля возвратился я в укрепление Верное самым прямым путем (в 130 верст) поперек хребта Кунги-Алатау, через две параллельные его цепи. Через южную перешел я проходом Дюренынь-Асы, далее спустился в глубокую, продольную относительно оси хребта долину уже упомянутого мной Кебина, разделяющую между собой обе цепи; затем поднялся на северную цепь проходом Кебинынь-Асы и наконец спустился к укреплению Верному прекрасной долиной Кескелена. Оба прохода были очень затруднительны и занесены снегом; а путь этот, самый близкий к Иссык-Кулю, в первый раз пробит русской ногой.

Гидрографическая независимость р. Чу от Иссык-Куля и странное соединение ее с этим озером; река Кебин — длинная северная ветвь Чуйской системы, не означенная ни на каких картах; разделение хребта Кунги-Алатау на две параллельные цепи продольной долиной Кебина, наконец значительная высота Иссык-Куля — вот те результаты, которые были для меня неожиданно интересными, географическими новостями, вполне вознаграждающими за трудности и опасности пути. Картография Заилийского края также чрезвычайно подвинулась в-течение нынешнего лета: вся восточная половина озера Иссык-Куля и земли, лежащие на восток от него до китайских пределов, были сняты инструментально топографами Отдельного Сибирского Корпуса, а западная половина озера и Чуйская долина—глазомерно, при моей поездке. Таким-образом, очертание озера Иссык-Куля и направление рек и горных цепей в Заилийском крае приняли вид довольно различный от начертаний карты, составленной Я. В. Ханыковым с распросной карты

Нифантьева. Ученая публика, конечно, немало удивится этой картографической метаморфозе, тем более, что в Европе принимают до сих пор карты Ханыкова и Нифантьева за съемочные; да и в России не все знают, что Нифантьев никогда не был на Иссык-Куле, а составил свою карту с многочисленных показаний Киргизов. При таком способе составления, карта эта сделана как нельзя лучше; но в настоящее время перед положительной съемкой интерес ее исчезает совершенно.

На возвратном пути из укрепления Верного мне хотелось употребить с пользой и месяц октябрь, еще довольно хороший в этих южных широтах. Принимая в соображение важность для меня личного знакомства с характером китайского западного края, я решился пробраться в Кульджу на Или, столицу западных провинций Китая и резиденцию их наместника (Цзян-Цзюна). Опасностей путешествия моего за Чу поездка эта не представляла, но была тем-не-менее сопряжена с некоторыми неудобствами. В-течение месяца совершил я благополучно и это путешествие, лично увидев интересный уголок Китая, хорошо населенный, хорошо обработанный характеристическим населением ссыльных из Срединной Империи и военных поселенцев из Монголии.

П. П. СЕМЕНОВ,
Д.-Чл. Общ.